

дунду му кунэр адуган манульчи
эркин кунэр мадан харулгачи
хайкирачжи кунуши уга бэльчиртэй
хамук-ту күсэктэкүй йэке нэрэтэй больчи
хамуги гэйгү дүкчи нара мэтү мандачжи
набчи мэтү дэлгэрэчи
насун турши чжиргачжи сухуйн бэлэк шингэбэй.

Подобный родъ литературныхъ произведеній хорошо извѣстенъ намъ подъ именемъ "ерель" и очень распространенъ среди калмыковъ. Хотя разбираемая книга проф. А. Позднѣва вышла давно, но по исключительной важности и цѣнности подобраннаго матеріала остается и въ настоящее время заслуживающей самаго серьезнаго изученія для всякаго интересующагося душевной жизнью и культурой монголовъ и калмыковъ. Въ цитатѣ сохранена транскрипція автора книги.

С. Баяновъ .

"МУДРЕШКИНЪ СЫНЪ", КНИГА А. АМУРЬ-САНАНА.

Величайшей радостью для сравнительно небольшой семьи калмыцкой интеллигенции является то, что изъ ея рядовъ начинаютъ выступать на широкій путь литературной дѣятельности отдѣльные ея представители. Въ такомъ порядкѣ появилась въ Совѣтской Россіи книга Антона Амурь-Санана, здѣсь въ Зарубежьи - историческій трудъ дра Хара-Давана. Совершенно естественно чувствовать и видѣть во всемъ этомъ наступленіе чего-то новаго въ культурной исторіи нашего небольшого калмыцкаго народа. Это новое обязываетъ всѣхъ насъ не только радоваться всей полнотой душевной радости, но и внимательно, глубоко всмотрѣться въ суть этого явленія. Этимъ вниманіемъ и наблюденіемъ проявить всю нашу чуткость, а еще больше всю нашу бережливость къ расправляющимся крыльямъ національной мысли. Эта ревнивая заботливость, естественная первому порыву радости нашего калмыцкаго сердца, должна выявиться въ братски-искреннемъ, отечески-любовномъ указаніи всѣхъ недочетовъ и шероховатостей первыхъ плодовъ національно-творческой мысли. Эти соображенія и только они побуждаютъ меня остановить вниманіе читателей на книгу А. Амурь-Санана въ первую очередь, не отказываясь отъ такого же разбора и книги дра Хара-Давана въ слѣдующемъ №-рѣ нашего журнала.

Въ лицѣ автора "Мудрешкинъ сынъ" интеллигенція европейскихъ калмыковъ впервые выступает на путь литературной публицистики, впервые тѣмъ самымъ заявляя о своей духовно-политической зрѣлости и искушенности въ сложнѣйшихъ вопросахъ современности. Книга написана прекраснымъ, легкимъ, гладко скользящимъ языкомъ. На всемъ ея содержаніи, во всемъ тонѣ ея сказались весь духъ и темпераментъ ея автора. Антонъ Мудреновичъ Амурь-Сананъ принадлежитъ къ типу интеллигентовъ-самородковъ. Пройдя тяжелую школу жизни, усталую колючими шипами, авторъ этой книги, благодаря недюжиннымъ своимъ способностямъ, рѣдкой настойчивости воли, оказался въ концѣ концовъ побѣдителемъ надъ всеми тѣми испытаніями, которыя обычно ставятъ жизнь на пути многихъ обездоленныхъ юношей. Автору этихъ строкъ еще 13 лѣтъ тому назадъ приходилось на путяхъ общественной жизни сталкиваться съ Амурь-Сананомъ и убѣдаться не разъ, какъ въ его способностяхъ, такъ и въ пылкомъ его темпераментѣ. Мы съ нимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ событій очутились въ разныхъ станахъ, разошлись идеологически и тактически. Но я быль бы не правъ передъ своей совѣстью, если бы не признался, что въ лицѣ автора "Мудрешкина сына" видѣлъ и продолжаю видѣть несомнѣнно одного изъ идейныхъ

калмыцких интеллигентов, настойчивого и талантливого. Но *errare humanum est*. Ошибки свойственны и Мудрешкину сыну. Но эта ошибка исходит не от совести его; а от его миросовертательной предосылки.

Автобиографический очерк Амурь-Санана дает бѣглую картину основной линии дѣятельности его самого, а отчасти эпизодически отдѣльные моменты дѣятельности нѣкоторых изъ его сослуживцевъ, къ которымъ перешло кормило правленія калмыцкимъ народомъ послѣ печальнаго завершения антисовѣтскаго движенія. Въ самыхъ трудныхъ условіяхъ для жизни этого народа, вожди котораго принуждены были покинуть предѣлы не только родной земли, но и перешагнуть границы Родины на неопредѣленное время, вся задача успокоенія взбалмученнаго событіями калмыцкаго народа перешла въ руки оставшихся. Рѣшенія этихъ задачъ твердою рукою взялъ Амурь-Сананъ съ Чапчаевымъ. Послѣдній является однимъ изъ положительныхъ дѣятелей интеллигенціи автономной области, какого бы направленія онъ не былъ. Съ точки зрѣнія своего пониманія, своей идеологіи А. Амурь-Сананъ сдѣлалъ все, что могъ. Въ этой работѣ онъ выявилъ и свой темпераментъ и свою настойчивость и большую присущую ему находчивость. Отдѣлы его книги, озаглавленные - "Всякому своя слеза солона", "За свой народъ", "Большевикъ не проходитъ" - читаются съ захватывающимъ интересомъ, ибо они до подлинной глубины и до предѣльной яркости изображаютъ искренній пафосъ національной преданности и яростную борьбу человѣка, всей силой своего существа и разумія рѣшившагося защищать свой народъ. Въ этой защитѣ, какъ онъ самъ признается, шелъ безъ всякой программы, безъ отчетливаго представленія о самой задачѣ. Тѣмъ не менѣе онъ пришелъ къ той формѣ выше-правового опредѣленія политическаго быта народа, который диктовался и общей политической обстановкой и удѣльнымъ вѣсомъ родного ему народа. Развертывая отдѣльные моменты своей работы, авторъ книги попутно дѣлаетъ оцѣнку многимъ событіямъ и явленіямъ и съ особенной страстью отдаетъ ей критикѣ, посвященной недостаткамъ какъ своего народа, такъ и руководившей имъ интеллигенціи. Эта критика автора, являясь во многомъ справедливой, будучи адресована къ своимъ сотрудникамъ, въ особенности къ такимъ дѣятелямъ, какъ Масловъ, все же страдаетъ серьезными ошибками, поскольку она посвящена идеологіи и роли той части интеллигенціи, которая очутилась въ станѣ бѣлыхъ. Мѣстами приговоръ автора настолько поверхностенъ и не основанъ на солидныхъ политическихъ и идеологическихъ базахъ, что въ глазахъ серьезнаго читателя книга утрачиваетъ свои должную объективную цѣнность. Цѣлью настоящихъ строкъ и является раскрытіе тѣхъ вольныхъ и невольныхъ ошибокъ и "тенденцій", которыя допущены авторомъ. Однако считаю обязаннымъ оговориться, что многія мѣста книги принужденъ буду обойти молчаніемъ по особымъ мотивамъ и причинамъ.

Основные мѣста книги, нуждающіяся въ разборѣ съ принципиально-догматической точки зрѣнія, первымъ долгомъ, касаются оцѣнки авторомъ идеологій, политическихъ позицій и роли калмыцкой интеллигенціи, находившейся въ станѣ бѣлыхъ. Эту оцѣнку онъ производитъ методомъ опредѣленія своего мѣста въ станѣ одной изъ борющихся сторонъ гражданской войны. Предъ лицомъ гражданской войны, стоя въ раздумьи, рѣшая вопросъ куда ему идти, авторъ слѣдующимъ образомъ анализируетъ положеніе: "съ кѣмъ же мнѣ идти? Съ богатымъ угнетаемымъ классомъ господъ или съ бѣдной?" - и отвѣчаетъ: "развѣ для меня могъ существовать такой вопросъ? я никогда не забывалъ своего многостраднаго дѣтства." Такъ подойдя къ рѣшенію вопроса, авторъ допустилъ двойную ошибку. Во-первыхъ, самъ по себѣ примѣненный авторомъ субъективный методъ едва ли можетъ служить твердымъ объективнымъ основаніемъ для принятія той или другой социально-политической идеологіи, ибо бѣднякъ-рабочій, находясь и на классовой точкѣ зрѣнія, все же можетъ избрать одинъ изъ многихъ путей защиты классового интереса. Очень богатый человѣкъ буржуй - идеологически можетъ принадлежать къ самому радикальному теченію. За примѣромъ, весьма убѣдительнымъ для самого автора, ходитъ подалече - В.И. Ленинъ-Ульяновъ, во-первыхъ, былъ дворянинъ, во-вторыхъ, весьма состоятельнымъ человекомъ. Это ему не помѣшало усвоить идеологію "Мудрешкиныхъ сыновей". Графъ Л.Н. Толстой и кн. Крапоткинъ были анархистами. Этимъ субъективнымъ мето-

домъ авторъ предрѣшилъ и вторую ошибку - кто въ станѣ противномъ, тотъ богатъ и угнетатель. Почему же авторъ допустилъ такую ошибку? Потому что онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія утрированного пониманія историческаго материализма, какъ особаго теченія философіи человѣческой исторіи. Грубая ошибка, допускаемая этимъ теченіемъ, заключается въ томъ, что онъ человѣческую жизнь, ея исторію сводитъ къ голому зоологическому началу, утверждая, что человечество съ зари своей исторіи дѣлилось только на богатыхъ и бѣдныхъ и вся исторія его сводилась къ такой же зоологической борьбѣ между голодными и сытыми желудками. Всѣ творенія человѣческаго духа суть отраженія этой борьбы /бытіе опредѣляетъ сознаніе/. Съ этой точки зрѣнія индусскій принцъ Будда съ его пессимистической системой и съ его этикой любви и смиренія есть защитникъ интересовъ или богатыхъ или бѣдныхъ. Христосъ съ его гуманистическимъ ученіемъ любви, добра и истины такой же защитникъ или богатыхъ или бѣдныхъ. Галилей съ его нищенской жизнью на чердакѣ убогаго дома, всѣ ночи напролетъ проводившій въ изученіи небесныхъ свѣтилъ и даже передъ смертю утверждая, что земля всетаки вертится - выражалъ классовыя воззрѣнія или богатыхъ или бѣдныхъ. Джордано-Бруно по тѣмъ же классовымъ мотивамъ отстаивалъ свой взглядъ передъ судомъ на конструкціи мірозданія; анархистъ-моралистъ Л.Н. Толстой тоже долженъ быть признанъ плашатаемъ идеи какого-нибудь класса. Китайскій философъ-метафизикъ Лаотзы, жившій въ VI вѣкѣ до РХ, полу-пантеистъ Гегель, Шеллингъ и Спиноза, полные пантеисты, тоже выражаютъ точку зрѣнія опредѣленнаго класса. Кантъ съ его Критикой Чистаго Разума, изучавшій познавательную дѣятельность человѣка и основныя свойства органовъ этой дѣятельности - всѣ они выражали ту или иную классовую точку зрѣнія.

Ясно, что изученіе неба, конструкціи мірозданія, такъ же точно, какъ изученіе земли и ея положенія къ солнцу, ея конечностей, ея геологическаго строенія - все это трудно связать съ пресловутымъ классовымъ началомъ и его борьбой. Но историческій материализмъ иныхъ подходовъ къ сферѣ человѣческой дѣятельности не имѣетъ. Благодаря этому громадный слой современнаго общества, выдѣлившійся изъ него вълѣдствіе культурнаго его развитія, слой, который всѣмъ существомъ своей жизни-дѣятельности выражаетъ неотъемлемыя познавательныя потребности человѣческаго духа, слой, который именно въ этой дѣятельности усматриваетъ единственное оправданіе прошлому и единственный смыслъ настоящаго и будущаго, слой, который всей природой своей дѣятельности стоитъ внѣ какихъ-либо группировокъ по экономическому признаку - этотъ слой для представителей названнаго теченія ни въ природѣ, ни въ обществѣ не существуетъ.

Въ равной степени опредѣленнымъ послѣдователямъ историческаго материализма защита угнетеннаго класса общества, совершаемая нѣсколько иными методами, чѣмъ большевицкая - также не признается, ибо болѣе гуманная демократическая система таковой защиты въ силу именно этой ея черты отвергается во имя кроваваго и зоологическаго начала классовой ненависти. Авторъ "Мудренкина сына" при оцѣнкѣ бѣлаго стана гражданской войны, къ сожалѣнію, подошелъ съ такой утрированно-упрощенной позиціи. Бѣлый станъ не былъ станомъ только богатей, ибо въ русской гражданской войнѣ въ станѣ этомъ объединились разныя теченія на основѣ отрицанія большевизма. Калмыцкая интеллигенція по своимъ идеологическимъ основамъ ничего общаго не имѣла съ представителями реакціоннаго русскаго теченія. Калмыцкая интеллигенція бѣлаго стана въ дѣлѣ защиты подлинныхъ интересовъ своего народа, въ пониманіи ихъ и въ знаніи методовъ этой защиты была единодушна въ общей своей массѣ. Иной она не могла быть, такъ какъ даже съ точки зрѣнія классовыхъ началъ она плоть отъ плоти, кровь отъ крови бѣдняцкаго происхожденія. Учили дѣтей бѣднаго класса и учили на средства народа. Эта калмыцкая интеллигенція стояла на точкѣ зрѣнія широкой демократической системы, открывавшей и отдѣльной личности и цѣлому народу подлинную перспективу духовно-хозяйственнаго творчества. Она стояла на позиціи отрицанія историческихъ скачковъ, на признаніи неизбежности историческаго начала, на признаніи категоріи "времени" и "мѣста". Безплодные опыты большевизма, безконечныя ломанныя линіи этого опыта

въ поискахъ выхода, подобно слѣпому, брошенному въ закрытое помѣщеніе, какъ намъ извѣстно, убѣдили всѣхъ, что свободенъ разсудкомъ и твердъ совѣстью даже въ средѣ самой РКП, что правыми оказались не сторонники опыта, а ихъ противники. По крайней мѣрѣ для всего свободнаго свѣта, наблюдающаго за всѣми лихорадочными поисками апостоловъ большевизма, за ихъ внутренней борьбой, дошедшей до ликвидаціи собственныхъ недавнихъ кумировъ-вождей, - нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что нарушеніе ими преемственной линіи развитія страны мститъ имъ жестоко и мститъ убѣдительно. Поэтому автору этихъ строкъ искренне досадно, что живымъ очевидцемъ жестокой внутри-большевицкой борьбы, очевидцемъ тщетности многихъ усилій, - еще до 29 года сохраненъ и проведенъ въ его книгѣ итогъ, осужденный и жизнью и дѣлами. То правовое положеніе, которое было добыто для калмыцкаго народа усиліями автора "Мудрешкина сына", - еще въ 1917 году тому же самому народу завоевано и дѣйствительно проведено было стараніями той самой интеллигенціи, которая впоследствии очутилась въ бѣломъ станѣ. Разница между завоеваніями до и послѣ октябрьской революціи заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ автономно-областное положеніе полно было внутренняго содержанія, ибо вся полнота распоряженія культурной, хозяйственной жизнью, а равно и дѣйствительнымъ самоуправленіемъ принадлежало волѣ самаго калмыцкаго народа. Тогда какъ положеніе, достигнутое послѣ октября, характеризуется тѣмъ, что народъ во всѣхъ областяхъ своей жизни диктаторски управляется указами центра или его представителямъ на мѣстахъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ народнымъ самоуправленіемъ, а во второмъ съ партійнымъ самодержавіемъ. Отдавая все преимущество первому, усматривая въ немъ подлинную демократическую систему, считая ее единственно цѣлесообразной формой высшаго и внутренняго быта своего народа, - калмыцкая интеллигенція на путяхъ жертвенной защиты этой системы очутилась на сторонѣ бѣлыхъ. Очевидно потому, что между идеологіей нашей и идеологіей богачей не было ничего общаго, какъ нѣтъ ничего общаго между этой же идеологіей съ одной стороны и идеологіей партійной диктатуры съ другой. Калмыцкая интеллигенція блага стала на лоно своего знамени несли дѣйствительныя гарантіи подлиннаго народнаго благосостоянія, а не искала его ощупью, качаясь какъ маятникъ то влѣво, то вправо, чтобы дойти въ конечномъ счетѣ до колхознаго тупика или до предѣльнаго разоренія и страны и народа. Вотъ почему, ставя знакъ равенства между идеологіей нашей и богачей, авторъ "Мудрешкина сына" сдѣлалъ первую вольную или невольную ошибку. По этой же причинѣ не попадаютъ въ цѣль, какъ не по адресу направленныя, нижеслѣдующія слова автора: "вся наша дипломированная или должностная статья таковой интеллигенціи... сыграла тамъ /въ бѣломъ станѣ/ достаточно предательскую, грязно-преступную цѣль." Предательской можетъ быть названа такого рода дѣятельность, независимо отъ того, относится ли она къ отдѣльной личности или цѣлой группѣ, когда въ основѣ ея стимулирующимъ началомъ лежитъ голый одноличныи или групповой эгоизмъ, которому сознательно въ жертву приносятся народные интересы. Или когда общественный дѣятель, ясно зная вѣрные пути и способы защиты таковыхъ интересовъ, умышленно по мотивамъ корыстолюбія дѣйствуетъ методами, явно сопряженными съ прямымъ вредомъ для представляемаго имъ народа. Очевидно совершенно, что существо дѣятельности интеллигенціи блага стала таково, что не только не можетъ пристать къ ней брошенное авторомъ обвиненіе, но наоборотъ, на основаніи объективныхъ результатовъ дѣятельности оставшихся нашихъ братьевъ въ народно-хозяйственной области - она съ полнымъ правомъ имѣетъ этого только потому, что рыцарски допускаетъ наличие въ нихъ доброй воли, а печальный результатъ ихъ опыта относится за счетъ тяжелаго удара, стоящей надъ ними стихіи. Вотъ почему эту квалификацію мы относимъ не за счетъ дѣйствительно-отчетливаго и объективно-анализирующаго разсудка, сколько за счетъ высшей силой движимаго утрированнаго гнѣва автора. Такова въ нашихъ глазахъ вторая ошибка автора; ошибка, способная вселить въ нашихъ душахъ сомнѣніе въ дѣйствительныхъ душевныхъ силахъ автора удержаться на той послѣдней ступени объективности, за которой начинается безбрежное, мутное море пресмыкательства и полный отказъ отъ своей сущности. Третье положеніе, нуждавшееся

въ такомъ же пересмотрѣ, заключается въ томъ, что авторъ "Мудрешкина сына" въ пороки социальной жизни своего народа усматриваетъ въ родовомъ стрѣе его быта. Хотя онъ и замѣчаетъ, что всё условія, породившія этотъ бытъ исчезли и что цѣльнаго и типичнаго его начала въ калмыцкой жизни уже нѣтъ, тѣмъ не менѣе признаетъ, что многія традиціи его еще живы и что все гнетущее и стѣсняющее личное начало, личную инициативу въ современной жизни народа, есть прямой результатъ дѣйствія заморилнаго дыханія этой устарѣлой традиціи. Основой суровой критики этого быта, съ нѣкоторыми изъ которыхъ мы согласны, авторомъ выдвинутъ крайне нетипичный, а исключительно индивидуальный случай. Главной осью его критики служить положеніе, занимавшееся въ родовомъ обществѣ его отцомъ съ своей семьей, который являлся пришлымъ элементомъ, приписавшимся къ естественному родовому обществу. Не типиченъ этотъ случай потому, что явленіе "пришлости" въ калмыцкомъ быту были большой рѣдкостью, чтобы не сказать совершенно единичными. Но въ основной калмыцкой массѣ никогда подобная приписка не сопровождалась такими тяжелыми послѣдствіями, какъ съ отцомъ и семьей автора разбираемой книги. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приписавшійся членъ общества занималъ положеніе "парія" - это обычно вызывалось индивидуальными качествами самаго "парія" - его неуживчивостью, неровностью характера или опредѣленными пороками - склонностью къ пьянству и т. д. Качества положительныя наоборотъ ему всегда обеспечивали равное съ другими положеніе въ обществѣ, а, если онъ выдѣлялся умомъ, развитіемъ, трезвымъ характеромъ, передъ нимъ открывался широкій доступъ и къ почету и уваженію и ко всѣмъ общественнымъ должностямъ. Само родовое начало, какъ обязательное подчиненіе старшему въ родѣ, къ моменту революціи 1917 года въ калмыцкомъ народѣ отошло въ область прошлаго. Эмансипація личности, какъ таковой, у насъ была въ полномъ ходу, несмотря на попечительный режимъ, замѣнившій собою режимъ чистаго родового быта. Правда у насъ принято было непринужденное уваженіе къ старшему, къ возрасту. Но странно было бы видѣть въ этомъ обычай что-либо отрицательное. Молодежь, едва овладѣвшая грамотой, пользовалась исключительнымъ вниманіемъ и всегда ей обеспечено было общественное довѣріе на какихъ угодно постахъ. Это подтверждалось всей дѣйствительностью дореволюціоннаго и пореволюціоннаго прошлаго, когда на всѣхъ постахъ отъ высшихъ до низшихъ сидѣли интеллигенты, начиная малограмотными и кончая дипломированными. Въ подтвержденіе этому и въ противорѣчіе своему утвержденію авторъ книги приводитъ случай, когда самъ Мудрешкинъ сынъ былъ избранъ старшиной общества, несмотря на то, что являлся сыномъ вѣчно оскорбляемаго "парія". Что же касается вліянія богатыхъ, то оно является обстоятельствомъ особаго порядка, ничего общаго не имѣющимъ съ родовымъ началомъ, какъ таковымъ. При собственнической системѣ хозяйства даже въ натуральной его стадіи сидень не человекъ самъ по себѣ, а его кошелекъ, "золотой тѣлець". Если этотъ "золотой тѣлець" будетъ находиться въ карманѣ даже самаго низшаго въ родовой лѣстницѣ человека, тѣмъ не менѣе ему нѣкоторое вліяніе и подобострастіе окружающаго было обеспечено. /Вотъ откуда Лидже Великіе/. Но это явленіе смѣшивать съ родовымъ началомъ и объяснять имъ марксисту не подобаетъ, ибо это грубая ошибка. Зайсанство и нойонство за единичными исключеніями еще до революціи также утратило свое общественное значеніе въ силу своего невѣжества. Тѣ же, кто за собою сохранили такое, обязаны были имъ своему "золотому тѣльцу" или признаку грамотности. Но эти признаки обеспечивали такое же вліяніе и за простыми смертными. Вотъ эти послѣдніе признаки вліянія смѣшавъ авторъ книги съ признакомъ родового начала, давно сошедшаго со сцены жизни.

Свою фанатическую зараженность классовымъ началомъ, свою ненависть къ носителямъ родового начала автору критикуемой книги представилось выявить съ особенной отчетливостью въ двухъ случаяхъ: I/ Бандиты изъ сосѣднихъ селъ убили и ограбили богатаго зайсана Хара-Манджева. Родной братъ его пришелъ къ автору книги, выражая свое возмущеніе по поводу имѣвшаго мѣсто преступленія, очевидно съ намѣреніемъ - его, какъ вліятельнаго дѣятеля просить принять мѣры къ обезпеченію порядка и безопасности жизни общества въ дальнѣй-

шемь. Амурь-Сананъ отвѣтили просителю /очевидно съ злорадствомъ/: "хорошо сдѣлали, что убили твоего брата", /цитирую на память/. Почему? Потому, что онъ былъ зайсангъ, во 1-хъ, богачъ, во 2-хъ. Правда авторъ мотивируетъ свой приговоръ тѣмъ, что изъ-за него могъ пострадать народъ. Помимо того, что этимъ отвѣтомъ авторъ выразилъ ненависть, переходящую всѣ предѣлы чело-вѣческой злобы вообще, совершенно излишнюю въ отношеніи чело-вѣка уже са-мымъ фактомъ смерти достаточно обезвреженнаго для оставшихся на землѣ, - онъ потакалъ новымъ убійствамъ и новому бандитизму, ибо оправдывалъ убій-ство классовыхъ противниковъ вообще. Вѣдь немало же было на Руси Хара-Манд-жіевыхъ? Идеологія, утверждая свое торжество на костяхъ физически истреб-ленныхъ противниковъ выражаетъ собою только суровую мораль и жизненную прак-тику самыхъ дикихъ племенъ изъ міра чернокожихъ. Когда російскіе Тимохи, Федьки, Ваньки съ тупой звѣриной злостью, кладнокровоно, а порою даже съ особымъ азартомъ убиваютъ Хара-Манджіевыхъ, у нихъ есть своего рода оправ-даніе. Убивъ, ограбивъ богатаго, они хотятъ занять его счастливое мѣсто: хотятъ сдѣлаться буржуями. Различіе идейныхъ интеллигентовъ отъ этихъ зоо-логическихъ "героевъ" заключается въ томъ, что они хотятъ поднять, улучшить жизнь чело-вѣка, во имя интересовъ этого послѣдняго. Поэтому ему надо не истреблять своихъ идеологическихъ противниковъ, а только обезвреживать ихъ /ибо иначе не о комъ было бы ему заботиться/ и изъ этого обезвреженнаго сдѣ-лать достойнаго члена общества. И пока онъ покорно имъ повинуется, не мѣшая опыту, въ немъ должны видѣть такого же объекта воспитательной работы, какъ и любой представитель революціоннаго класса. Онъ уже обобранъ, онъ ничего не имѣетъ, тѣмъ самымъ онъ уже механически принадлежитъ къ этому классу.

Сколько большевики перебили - приблизительно мы знаемъ, какъ знаемъ и то, что всѣхъ перебить имъ все же не удалось. Мнѣ непонятно, зачѣмъ авторъ этимъ актомъ одобренія и поощренія убійства отошелъ отъ своихъ идейныхъ братьевъ и спустился на одинъ уровень съ темными, дикими героями наживы, сбросивъ единственное украшеніе революціоннаго интеллигента - тогу идеоло-гіи? Какой ужасный, бесполезный трудъ. Не убивать, а перевоспитывать надо, ибо обстоятельство, возмущающее социаль-коммунистовъ не въ Хара-Манджіевѣ, Ивановыхъ и Петровыхъ, а гораздо глубже - въ инстинктѣ чело-вѣка, въ духѣ современности. А Хара-Манджіевы только удачливыми сегодняшняго дня. И пока не измѣнится этотъ инстинктъ, на мѣсто истребленныхъ Хара-Манджіевыхъ поя-вятся другіе и появятся даже изъ среды тѣхъ, чьи идеологіи культивируются. Вѣдь они съ вождями только до тѣхъ поръ, пока появятся у нихъ "жирки". А у нихъ "жирки" появятся, потому что не менѣе Хара-Манджіевыхъ заражены они тѣмъ же инстинктомъ и эгоизма и собственности. И каково теперь сознаніе и состояніе совѣсти тѣхъ, когда цѣнокъ десятилѣтняго кроваваго опыта все же имъ изъ россиянъ не удалось сдѣлать живыхъ боговъ, а изъ Россіи земного рая? Чувствуетъ ли авторъ совѣстью своей всю гнетущую тяжелую отвѣтственность за жизнь и душу Хара-Манджіевыхъ, Онкоровыхъ, Кармаковыхъ? Если да - то поче-му же черезъ десять лѣтъ съ такимъ пафосомъ объ этомъ онъ пишетъ? А если нѣтъ, то что съ нимъ случилось?

Обобранный, лишенный всего, трижды будучи арестованъ Астраханской чрез-вычайкой, трижды освобожденный за отсутствіемъ иной вины, кромѣ только то-го, что былъ богатымъ зайсангомъ, бывший большой скотоводъ Бепели Онкоровъ, 84-хъ лѣтній старикъ, бѣжалъ изъ предѣловъ своего края со всемъ семействомъ, чтобы избавиться отъ безчисленныхъ издѣвательствъ вооруженныхъ солдатъ бли-жайшихъ селъ, бѣжалъ онъ къ своимъ единоплеменникамъ ставропольскимъ калмы-камъ въ расчетѣ найти спасеніе и защиту отъ всѣхъ видовъ оскорбленій и му-ченій. Когда въ эти края появился сильный, вліятельный большевикъ Антонъ Амурь-Сананъ, этотъ старикъ пришелъ къ нему и этой покорно-добровольной яв-кой молчаливо говорилъ ему: "у меня отобрали все, - пусть. Надъ моимъ чело-вѣческимъ достоинствомъ долго люди издѣвались, - пусть. Ты большевикъ, но ты все же единокровный мнѣ образованный калмыкъ. Прошу тебя объ одномъ: спа-си мою душу, огради мою семейную честь." Антонъ Амурь-Сананъ вмѣсто помощи далъ полный просторъ своей ненависти, издѣвательски выругалъ несчастнаго старика и тутъ же объявилъ, что онъ его арестовываетъ. Утративъ послѣднюю надежду найти защиту, разочарованный въ послѣдней капелкѣ вѣры въ чело-вѣ-

ка, старикъ, обѣими ногами стоявшій надъ зыбкой тонкой слойкой земли, прикрывавшей мѣсто его послѣдняго успокоенія, разрыдался, какъ ребенокъ. А тотъ, въ комъ искалъ онъ защиту, лаконически кончаетъ свое повѣствованіе объ этой сценѣ слѣдующими безумными словами: "вскорѣ послѣ этого старикъ, поворотя, заболѣлъ и умеръ."

Странно, неужели ни тогда, ни послѣ не содрогнулось у автора сердце, что позволилъ онъ нанести смертоносное оскорбленіе живому трупу, вся вина котораго заключалась въ томъ, что сквозь пережитыя имъ испытанія и издѣвательства, причиненныя ему человѣкомъ, все же сумѣлъ сохранить къ этому человѣку живое чувство вѣры?

Почему онъ въ этотъ моментъ такъ непростительно унижилъ въ себѣ одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ человѣка, во всѣ вѣка усматривавшееся въ присутствіи его чуткости къ горю и страданію себѣ подобныхъ? Не въ этой ли чуткости мы обязаны искать всѣ корни идеологій и социализма и коммунизма, стремящіяся насытить голоднаго, согрѣть холоднаго и обнѣжить свѣтомъ темнаго? Можно ли съ успѣхомъ добиться этихъ результатовъ, истоптавъ и въ себѣ и въ другомъ элементарныя человѣческія чувства состраданія? Вѣдь передъ нимъ стоялъ вчерашній богачъ, завтрашній пролетарій, а сегодня просто страдающій человѣкъ? Вѣдь передъ нимъ стоялъ не лощенный европейскій буржуй, своимъ холоднымъ разсудкомъ тонко понимающій весь механизмъ своего хозяйства и подлинный источникъ его доходовъ и тѣмъ не менѣе бездушнымъ нажимомъ своей машины выжимающій чужіе соки? Вѣдь передъ нимъ стоялъ человѣкъ, который вѣрилъ, что беззавѣтно горячія молитвы Богу, безпрестанное молитвенное перебирание четокъ единственно обезпечиваютъ землѣ урожай травъ, а тѣмъ самымъ и богатство людямъ? Вѣдь передъ нимъ стоялъ не загнанный инстинктомъ самосохраненія и принужденно затаившій демоническую злобу буржуй, денно и нощно мечтающій первую возможность использовать для кровавой расправы съ революціоннымъ врагомъ? Вѣдь передъ нимъ стоялъ человѣкъ, который все несчастье, его постигшее, объяснялъ великими грѣхами своими и чужими и тѣмъ усерднѣе перебиралъ только четки, тѣмъ горячѣе шептала молитву - въ тюрьмѣ ли, дома ли, передъ нимъ ли?

И онъ этого убогаго старика съ садистической жестокостью толкнулъ въ могилу и безъ того зіяющую подъ его немощными ногами?

Можетъ ли проявить человѣческое сердце еще большую жестокость? Неужели онъ не чувствуетъ, что классовое сознаніе утриворованно имъ проведенное привело его къ отрицанію человѣка вообще? Не заключается ли въ этомъ отрицаніи человѣка, какъ такового, уничтоженіе и самой идеологии вообще? Неужели авторъ не понимаетъ глубокой психологической разницы между сознаниемъ европейца-капиталиста и скотовода натурального хозяйства? Неужели онъ не понимаетъ такой же разницы въ структурѣ этихъ двухъ типовъ хозяйства? И сколь ни наивенъ степной хозяинъ, шепча молитву и перебирая четки, вѣдь онъ все же правъ въ томъ своемъ убѣжденіи, что его благополучіе зависитъ не столько отъ трудовъ рукъ человѣческихъ, сколько отъ даровъ природной стихіи? Неужели онъ не понимаетъ, что въ системѣ народныхъ хозяйствъ, требующихъ для своего развитія эксплуатаціи человѣческихъ силъ - скотоводство степное является по своему существу наименѣе "грѣховнымъ" его видомъ? И къ этому хозяйству трафаретно примѣнивъ догму своего подмоченнаго "евангелія", онъ допустилъ столько "ненужнаго озорничества" къ человѣку? Авторъ допустилъ ошибки и другого порядка. Бѣлыми мазками рисуя бытовья картинки изъ жизни родного ему народа, онъ даетъ слѣдующую характеристику: "калмыки въ пьяномъ состояніи страшные озорники, ругаются скверными словами, оскорбляютъ людей и оскорбляютъ ихъ подло, бессмысленно и жестоко." Что калмыки въ пьяномъ видѣ въ извѣстной мѣрѣ умѣютъ ругаться и озорничать - смѣшно было бы отрицать. Но вопросъ въ томъ - является ли это искусство чертою ихъ индивидуализирующею или это есть свойство человѣка вообще? Я думаю, что мы имѣемъ дѣло со вторымъ явленіемъ. Если поставитъ "слабость" калмыка въ этомъ искусствѣ рядомъ съ такой же "слабостью" другихъ народовъ - то несомнѣнно преимущество было бы на сторонѣ калмыковъ. По духовному своему складу калмыцкій народъ - мирный, сердечный и добрый. Если справедливо это опредѣленіе, то оно не можетъ въ той или иной мѣрѣ не вліять на нихъ даже въ пьяномъ видѣ. Поэтому какъ національную чер-

ту, какъ національную особенность - приписывать имъ эти свойства ошибочно. Это только черты индивидуальныя. Еще менѣе удачно опредѣленіе автора основныхъ чертъ національнаго характера калмыка. Типичными чертами калмыковъ онъ признаетъ: "лживость, грубость, рабодѣпство." Вѣрно противоположное: калмыкъ не лживъ, калмыкъ абсолютно не грубъ. Квалифицируя такъ, мы не имѣемъ въ виду отрицать эти черты, какъ свойства отдѣльной личности. Есть въ каждомъ народѣ и воры и мошенники, грубіяны и пьяницы. Но мы жестоко ошибемся, какъ это дѣлаетъ авторъ книги, если черты, свойственныя отдѣльной личности, припишемъ всей націи и признаемъ въ ней свойства, индивидуализирующія какъ народъ, какъ націю. Одно изъ положительныхъ вліяній буддизма и одно изъ положительныхъ вліяній отшедшаго въ прошлое родового начала заключается въ томъ, что калмыкъ миролюбивъ, уживчивъ, безобидно общителенъ. Если бы авторъ внимательно всматривался вглубь калмыцкой души и сознанія, то ему легко было бы замѣтить, что три понятія всегда составляли сердцевиною этой души и всегда съ точки зрѣнія этихъ понятій калмыкъ реагируетъ на всѣ явленія жизни и на всѣ поступки человѣка, какъ такового. Эти понятія суть: и ч и р ь , н э р ь и н ъ л ь - к и л и н ц е , т . е . - стыдъ, честь и грѣхъ. Эти три понятія альфа и омега калмыцкаго сознанія. Понятіе стыда, понятіе чести и понятіе грѣха оберегали до сего времени калмыковъ въ общей ихъ массѣ отъ многихъ пороковъ, сопровождающихъ развитие культуры, эволюцію жизни и вліяніе окружающей этнографической среды. Обычно послѣднее обстоятельство полно бываетъ отрицательныхъ для данной націи чертъ, такъ какъ вліяніе на первыхъ порахъ бываетъ внѣшне подражательное, влскущее за собою поголовный отказъ отъ своего не только плохого, но къ сожалѣнію и хорошаго.

До сего времени большинствомъ русскихъ бытописателей, ученыхъ и историковъ отмѣчались душевныя черты калмыка съ лучшей, положительной стороны. Тѣмъ обиднѣе, что родной сынъ этого народа такъ поверхностно отнесся къ самой лучшей цѣнности внутренняго міра соплеменниковъ. Калмыкъ полонъ гуманныхъ чувствъ. Состраданіе къ бѣдствующему и страдающему человѣку свойственно его душѣ. Этими чертами своей души калмыкъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ самыми культурными слоями современнаго общества.

Этими возраженіями мы заканчиваемъ обзоръ книги. Остается только добавить, что къ числу общихъ недостатковъ ея надлежитъ отнести сугубо субъективный, преувеличенно біографическій ея характеръ. Отъ книги одного изъ главныхъ дѣятелей и строителей жизни послѣ октябрьскаго періода, каждый въ правѣ ожидать не только освѣщенія линій защиты и опредѣленія внѣшне-правового положенія, но, главнымъ образомъ, обрисовки творчески-созидательной работы внутри построеннаго зданія - какъ то: подробнаго описанія провѣтительной работы, организаціи хозяйства и его базы - землеустройства; организаціи правосудія и управления и роль въ послѣднемъ самой народной массы. Всѣ эти вопросы останутся совершенно незатронутыми.

СОВѢТСКАЯ РОССІЯ.

Самодержавная власть большевицкой партіи въ Россіи и въ частности надъ нашимъ народомъ по прежнему продолжается. На дняхъ исполнилось ровно 13 лѣтъ, какъ эта власть безраздѣльно господствуетъ въ Россіи. Съ неослабной энергіей большевики продолжаютъ свои опыты по всѣмъ вопросамъ жизни и народнаго хозяйства. Съ такой же неослабной энергіей пытаются они распространить свои порядки во всемірѣ; во всемірѣ агенты большевиковъ неустанно работаютъ, чтобы разложить, разбить существующій правовой, экономическій, культурный и моральный строй. Но, какъ и раньше, всѣ попытки большевиковъ оказываются безсильными всюду, гдѣ есть болѣе или менѣе культурный строй, начиная отъ ближайшихъ сосѣдей Совѣтской Россіи - Скандинавскими странами, Центрально-Европейскими, Франціей, Англійей - и кончая заокеанскими страна-